

Дом, где тебя не ждут

Яшви Садхир

Яшви молчала всю дорогу до деревни. Она не знала, о чем разговаривать с Садхиром-джи, и мыслями была погружена в себя. Она старалась вспомнить свой сон в мельчайших деталях, надеясь, что все-таки он был не таким правдивым, как ей показалось, но единственное, на что она могла опираться - что ей никогда не снились живые. Несмотря на то, что раньше она не знала, как называется эта способность, и вообще не знала о ней ничего, она вспоминала, что так было всего. Она видела или слышала мертвых, ушедших давно или недавно, или ей казалось, что слышит их, но никогда - кто-то из тех, кто еще был в этом мире, не в том. К тому моменту, как они подъехали к деревне, за это время совершенно не изменившейся - да что и должно было измениться за пару месяцев - Яшви глубоко внутри уже знала, что проверять нет смысла. Сны ей не лгали.

- Дом в той части деревни, - разлепив губы, негромко сказала Яшви. - Почти на окраине, рядом с рекой.

Там почва была глинистой, и отцу не нужно было ходить далеко за глиной, чтобы с ней потом работать. Насколько знала Яшви, так делали довольно часто и в других деревнях, и это было вполне логично и в порядке вещей. Она только сейчас заметила, что на самом деле деревня такая маленькая, а ведь она казалась огромной раньше. Не сравнить с Лхасой или Покхарой. Как так близко от Покхары все еще могут быть такие дикие порядки? Яшви старалась не отходить далеко от Садхира-джи и держаться к нему рядом, практически жалась, хоть и не прикасалась. Ей было боязливо снова оказаться здесь.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

С билетами все удалось решить без проблем. Мать серьезно отнеслась к словам о сне Яшви, даром что сама была сильным прорицателем, и теперь Сонгцэн оставил встретивших его двух учеников клана на рынке, где они присматривали за лошадьми, и отправился с девушкой к её дому. Он видел, как насторожилась Яшви. Она почти все время молчала, старалась не поднимать глаз и просто вела его к нужному дому. Сонгцэн замечал, что некоторые прохожие смотрели в их сторону с опасением или неодобрением, но никто ничего не говорил. Возможно, девушке бы высказали по старой памяти, что она - бокши, но его здесь явно побаивались, хоть Сонгцэн и был безоружен.

Он присматривался и прислушивался ко всему, что происходило вокруг, потому что считал, что могла возникнуть ситуация, когда Яшви придется защищать. Сейчас он хорошо чувствовал, насколько лучше ей было в Линь Ян Шо, чем в родной деревне.

Здесь царила нищета. Бедные дома, многие неухоженные, выводки тощих детей, грязные пестрые одежды, смуглые лица, с недобрым прищуром глядящие в сторону бокши и чужака. Сонгцэн молчал.

Яшви Садхир

Она хорошо чувствовала на себе полные брезгливого презрения или неудовольствия взгляды, но старалась ни с кем не встречаться глазами, чтобы не вызывать волну провокации или свежих обвинений. Ее не было в деревне несколько месяцев, но за это время вряд ли кто-то успел забыть о том, как ее называли бокши. Яшви была уверена, что, окажись она здесь одна, без сопровождения Садхира-джи, то уже бы уворачивалась от брошенных в нее камней, но его присутствие сдерживало бывших односельчан. Или все-таки не бывших, а будущих, подумала девушка и содрогнулась от этой мысли.

Они прошли всю деревню насквозь, и вскоре впереди показался их старый маленький дом, такой же бедный и обшарпанный, как и остальные, только Яшви показалось, что он стал еще страшнее, чем всегда был. Возле дома, привязанная к колышку, в тени пряталась исхудавшая коза, но на веревках сушилось выстиранное белье, и Яшви увидела среди посеревших и сто раз заплатанных простыней старый красный материнский платок, которым та укрывала плечи и голову прохладными вечерами.

Яшви остановилась в нерешительности. Она не знала, как отреагирует семейство на ее возвращение.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн подошел вместе с Яшви к маленькому обшарпанному дому, который, видимо, и был домом её родителей. Во дворе сушилось какое-то тряпье, рядом паслась тощая и страшная коза. Было странно понимать, что Яшви родилась и выросла в этом доме, и она видела его другими глазами, не так, как видел Сонгцэн.

Пусть в Линь Ян Шо, где он проводил больше времени, чем в родном клане, быт был довольно примитивным, там все было куда ухоженнее и обеспеченнее. Там не было этого духа крошечной непроглядной нищеты, когда люди начинают терять человеческий облик, пытаются найти способ выжить. В этом мире находилось место торговле людьми, чаупади и прочим дикостям, которые Сонгцэну было трудно представить в картине мира. Он чувствовал себя Сиддхартхой Гаутамой, впервые вышедшим из дворца.

Из-за занавески, закрывавшей от мошкары вход в дом, появилась женщина. Немолодая, исхудавшая и ничем не похожая на Яшви. Сонгцэн взглянул на эту женщину, затем на девушку, чтобы понять по её реакции, как стоило себя вести с, возможно, её матерью.

Яшви Садхир

Яшви было некомфортно от того, что Садхир-джи видит этот старый каменный дом, немного покосившийся, весь облезший и местами со сколовшимся камнем, грязный и бедный, и еще хуже ей становилось от понимания того, что раньше она считала такую жизнь нормальной. Ей даже в голову не приходило, что кто-то живет по-другому, да, чуть лучше или чуть хуже, чем они, но Яшви никогда не задумывалась о том, что можно жить в нормальном, красивом доме. Например, таком, как жилые корпуса учеников в монастыре. Или целый дворец в клане Королевских кобр. Сейчас она еще острее видела разницу между ее миром и его, и ей было стыдно за себя, что она сама принадлежит этому грязному нищему миру. Майя Тхакур,

определенно, насмешничала над ней, тогда, во сне. Разве можно сравнивать их?

Женщина, которую она увидела в проходе дома, в котором когда-то жила и она, ничем не напоминала ее мать, но Яшви узнала ее - это была вдова торговца рыбой. Женщина заметила их с принцем, остановилась на пороге, сложила на груди руки.

- Чего вернулась? - недружелюбно спросила она. - Тебя продали, твоего тут ничего нет. Уходи.

- Я пришла к матери, где она? - Яшви с трудом пропихнула комок, застрявший в горле, который появлялся всегда, когда с ней кому-то стоило заговорить из деревенских.

- Эх, нахалка! - повысила голос женщина. - И хватает тебе наглости делать вид, что ничего не знаешь! Да вся деревня скажет, что как продала тебя мать, так ты и свела ее в могилу, черная твоя душа. Померла она, родами. Все по твоей вине, ведьма. Убирайся, кому сказала.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн не сразу понял, что перед ним не мать Яшви. Женщина накинулась на девушку с обвинениями, из которых получалось, что Яшви еще и виновата в том, что могла затаить зло на тех, кто её продал на рынке как домашний скот. В таких условиях смерть родами была весьма вероятной трагедией, потому что как вообще мог организм женщины выдержать несколько беременностей, когда нет даже возможности нормально питаться, не говоря уже о медицинской помощи. И в произошедшем стоило обвинить отца Яшви, а не девушку, от которой родители до этого успели отречься.

- Не боишься с ведьмой-то ссориться? - спросил Сонгцэн у женщины, когда та принялась кричать на Яшви. - Где хозяин дома?

Можно было не волноваться за то, как воспримут здесь ответную агрессию. В Яшви разве что камнями не кидали, и ей не стоило сюда возвращаться. Сонгцэн считал, что после того, что случилось с матерью девушки, им стоило просто узнать, как забрать Джию, и забыть об этой деревне как о страшном сне. А об этом стоило говорить с хозяином дома, а не с его новой женой, у которой прав здесь было едва ли больше чем у той тощей козы, что паслась возле дома.

Яшви Садхир

Яшви никогда не умела постоять за себя, когда на нее начинали повышать голос, а то и могли замахнуться. Она вся сжималась и старалась сразу закрыть голову, и сейчас ей стоило огромного труда не отводить взгляда от кричавшей на нее женщины, потому что больше всего ей хотелось просто отвернуться и уйти, не продолжая разговор. У нее сразу разбежались все вопросы, которые она хотела задать и, если бы не Садхир-джи, наверное, точно сбежала. Она уже и забыла, как это, оказывается, неприятно и больно.

Женщина не нашлась, что ответить на вопрос принца, и даже как-то осеклась и призадумалась, видимо, всерьез не рассматривая тот вариант, что ей эта ссора

может аукнуться, впрочем, молчала она недолго. И еще только воинственное сжала руки на груди.

- А вы, господин, ее купили? Продали бы ее от греха подальше, вон, в непотребный дом, самое ей там место, - Яшви не поняла, куда должны были ее продать, но звучало это как-то даже мерзко. Она бы не хотела там оказаться.

- За домом отец, - нехотя ответила женщина. Из-за ее спины из дома высунулись две детские мордашки лет восьми и шести. Джии среди них не было. - Работает.

- Где Джия? - спросила Яшви.

- Не твоего ума дело, - огрызнулась женщина и замолчала.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Слава небесам, в этом доме уже не могут принимать решения, куда продавать Яшви,- ответил Сонгцэн. - Позови хозяина, мы будем говорить с ним.

Ему очень не понравилось, что женщина ответила по поводу Джии. Он не хотел выпрашивать её дальше, потому что мирного разговора здесь все равно не будет. И Сонгцэн считал, что какие-то шансы узнать правду у него будут лишь в том случае, если он будет вести разговор с позиции силы, а она включала и упрямое требование, чтобы хозяин ома вышел к нему лично, а не чтобы сам Сонгцэн был вынужден идти в грязный двор и смотреть, где там работает отец Яшви.

Вся ситуация очень обозлила Сонгцэна, он не думал, что это его могло так задеть. Он видел, насколько несправедливым было отношение здесь к Яшви. В отличие от нее, он прекрасно понял, куда советовала новая хозяйка дома продать девушку. Более того, он понимал, что у неё были все шансы там оказаться, если бы он не оказался в тот момент на рынке. Или, если бы Яшви повезло чуть больше, и тот покупатель не был сутенером, её бы продали в жены в какую-нибудь глухую китайскую деревню.

Яшви Садхир

Женщина недовольно нахмурилась, но больше ничего не сказала. Ей явно не понравилось, что ею командовали, но женщины здесь не приучены спорить с мужчинами, даже если они моложе, поэтому хозяйка вытерла руки о грязный передник, непонятно чего этим добиваясь, затем обошла дом, перед этим шикнув на детей, чтобы скрылись в доме. Детские мордашки мгновенно спрятались за занавеской, но, стоило только их матери скрыться за углом дома, тут же высунулись обратно и, перешептываясь, принялись поочередно показывать языки. В их сторону полетел какой-то мелкий камешек, но, не долетев пару шагов, упал в пыль неподалеку от Яшви. Она непроизвольно сделала шаг назад.

Она умирала от стыда перед Садхиром-джи и старалась на него не смотреть, благодаря небеса за смуглую кожу, на которой незаметен румянец, потому что ее щеки горели. Ему пришлось наблюдать эту отвратительную сцену, которая здесь была в порядке вещей. Яшви и раньше не имела здесь никаких прав, но теперь она не была даже частью этой семьи. Она хотела увидеть Джию, узнать, что с

младенцем, и поскорее отсюда уехать.

Из-за дома в сопровождении нынешней хозяйки вышел сам отец. Он еще сильнее похудел, и Яшви видела, что его руки сильнее скрючились - его мучили боли, но он продолжал упрямо лепить глину.

- Отец, - Яшви пробормотала еще что-то совершенно невнятное. Из дома слышался детский плач, и женщина поспешила внутрь. Яшви незаметно перевела дух - значит, с ребенком все нормально.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Хозяйка дома подчинилась требованию, и это было для Сонгцэна важнее, чем полетевший в их сторону камень, брошенный кем-то из детей. На это он не считал нужным обращать внимание, потому что иначе дискуссия грозила затянуться слишком надолго. Дети лишь повторяли то, что видели от окружающих, с чего бы им быть вежливыми и дружелюбными.

Вскоре пришел отец Яшви. Это был тощий человек, похожий на древнего старика, хоть Сонгцэн догадывался, что тот просто выглядел старше своих лет из-за голода, яркого солнца и тяжелой работы. Его можно было бы пожалеть из-за того, насколько тяжелой была его жизнь, если бы он не продал дочь на рынке и не свел жену в могилу очередными родами.

- Намастэ, - произнес Сонгцэн и даже чуть поклонился, сложив руки в молитвенном жесте. Первый раз за время общения с жителями этого дома он проявил минимальную вежливость. - Где младшая сестра Яшви, Джия?

В доме плакал маленький ребенок. Новая жена хозяина не успела бы забеременеть и родить с тех пор, как Яшви в последний раз видела мать живой, значит, выжил младенец, которым та была беременна.

Яшви Садхир

Отец был похож на одно из тех старых деревьев в парке дворца клана Королевских Кобр, кора которых загрубела от солнца и ветра. Яшви знала, что несмотря на внешнюю хрупкость, отец можно больно избить, если ему что будет не по нраву. Разве что из-за болей двигался он медленно, и иногда можно было просто вырваться и убежать подальше, чтобы избежать встречи с его твердыми узловатыми кулаками. Но чем старше становилась Яшви, тем реже так делала, просто терпеливо и молча снося все побои.

Отец прищурился, глядя на гостей и кивнул, потому что спина не позволяла ему нагибаться слишком сильно. Его руки были все в глине, но издали сложно было разглядеть, где заканчивается она и начинаются его руки, просто Яшви уже давно научилась это различать.

- Вернулась, значит, - проговорил отец, но радости в его голосе Яшви не услышала. Младенец в доме все надрывался. - Говорила тебе мать дорогу сюда забыть? Нет тебя больше для нас. И сестру твою продали, ведьмино отродье. Как мать померла и схоронили ее, так и отвели на рынок. Нам тут еще одна бокши ни к чему. И тебе

сюда нечего больше возвращаться, поняла?

- Как продали? - переспросила Яшви. - Куда?

- Почем я знаю? - ворчливо ответил отец. - Шли бы вы отсюда, господин, и ее заберите с собой, нам проблемы не нужны. Мы правильно живем, мирно. Ведьм не жалуем.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн чувствовал, как все сильнее закипает ярость. Как она копится в солнечном сплетении, как просыпается его родная, природная натура мага Огня, а за ней и желание громить и крушить этот оплот мракобесия и человеческой мерзости. Ему стоило немалых усилий устоять перед самим собой и не схватить отца Яшви за грудки, не ударить его, спросив снова, куда могли отправить проданную им уже вторую дочь, а поначалу перевести дыхание и промолчать.

- Это не они ведьмы, это вы - порождение авичи, - с ненавистью в голосе прошипел Сонгцэн. - Яшви приехала сюда, потому что накопила денег и хотела отдать их матери на Джию и младшего ребенка. Несмотря на то, что вы её продали, как козу на рынке. Я надеюсь, что теперь она навсегда забудет дорогу сюда.

Здесь им было нечего делать. Нужно было искать Джию, которой уже не могло быть на рынке в этой деревне. И страшно было подумать, что успело произойти с этой девочкой с тех пор, как умерла её мать, и от неё отрекся отец.

- Яшви, поехали. Нужно искать твою сестру, - более спокойным тоном сказал Сонгцэн девушке.

Он хотел еще много высказать отцу девушки. О том, какой была их правильная и мирная жизнь. О том, что неизвестно, что произойдет раньше: помрет родами очередная жена гончара, или вся семья от голода, потому что скрюченные от болезни руки скоро не смогут работать с глиной. О том, что небеса проявили несказанную милость к этим людям, когда Яшви не была готова от них отречься. Что им достаточно было беречь Джию, чтобы надеяться на то, что выбившаяся в люди Яшви не дала бы им опуститься на дно и передохнуть с голоду. О том, что этот скрюченный гончар не заслужил такую дочь как Яшви. Но Сонгцэн больше ничего не стал говорить отцу девушки, много чести.

Яшви Садхир

Яшви перепугалась, потому что все выходило из-под контроля. Она никогда не видела Садхира-джи таким рассерженным, даже в ту ночь, когда погиб клан Сурикатов и погибла Майя Тхакур, он был скорее потерянным, чем разъяренным. Яшви было некогда задумываться о причинах его такого поведения, теперь она чувствовала себя виноватой за то, что вообще подняла разговор о том, чтобы сюда приехать, что Садхиру-джи пришлось все это смотреть и выслушивать, хотя он совсем не должен был. Все его доброта, лучше бы он сразу сказал, что эта затея глупая, и не надо никуда ехать.

- Садхир-джи, не нужно, - девушка вцепилась в его руку, сама не зная, зачем,

наверное, для того, чтобы оттащить его назад, если вдруг он наоборот пойдет вперед. Он был сильнее ее, потому что был воином, но Яшви тоже пришлось немало поработать на своем коротком веку, и она надеялась, что хоть сколько-нибудь его удержит. - Давайте просто уйдем.

Отец выглядел совсем стариком, он был болен, ему было сложно, но он не смотрелся напуганным. Скорее смирившимся. Его тоже было по-своему жалко, но сейчас Яшви просто хотела уйти.

- Уйдем, Садхир-джи, - повторила она и заметила, что держит его за предплечье, цепко обхватив ладонями. Яшви тут же опустила руки. Принц был уже спокойнее, даже голос был другой, не такой яростный. Забыв о том, что в кармане дорожной одежды лежит сверток с деньгами, Яшви просто пошла по дороге назад следом за принцем, не став прощаться с отцом. Он уже перестал быть ее отцом. А этот дом перестал быть ее домом.

- Как мы ее найдем, Садхир-джи? - тихо спросила девушка, пока они шагали назад к центру деревни, на рынок. - Ее наверняка уже перепродали.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

По тому, как Яшви вцепилась в его руку, Сонгцэн понял, что она заметила его ярость и надеялась, что сможет остановить, если он решит напасть на ее отца. Ему было стыдно перед ней за эту вспышку, ведь Сонгцэн всегда старался казаться рассудительным и способным себя контролировать.

Они ушли от дома гончара в сторону рынка. Сонгцэн чувствовал, что уже взял себя в руки, чтобы не показывать свои эмоции столь явно. Для него поведение отца Яшви было за гранью того, что человек мог позволить себе даже в ситуации полной безвыходности.

- Мы поедem в клан и попросим о помощи мастера Раджа, - сказал Сонгцэн. - Он прорицатель. Если не поможет он, мы поедem в Линь Ян Шо и попросим о помощи мою мать.

Вряд ли работоторговцы на деревенском рынке владели магией и могли спрятать девочку от взора прорицателей. Но ее нужно было найти как можно быстрее, потому что так было больше шансов, что Джия отыщется живой и невредимой. Сонгцэн не хотел думать о другом исходе, эта девочка, как и Яшви, оказалась жертвой человеческой беспринципности, когда предают те, кто обязан защищать.

Яшви Садхир

Стараясь не оглядываться на дом, который некогда был и ее домом тоже, и не отставать от Садхира-джи, Яшви молчала. Она чувствовала себя примерно также, как и в тот день, когда ее сначала продали, а потом купили и отвезли в новое, совершенно незнакомое ей место, где все оказалось не так, к чему она привыкла. Яшви не думала, что то, чего она так боялась - что Джию продадут - случится так быстро, ведь она была еще совсем ребенком. Ее могли купить в какой-нибудь дом служанкой. Но Яшви даже не представляла себе, как можно найти человека, которого неизвестно кто и когда купил, если вообще купил.

- Если ее не получится найти? - об этом не хотелось даже думать, потому что Яшви становилось тошно от одной только полумысли. Она не знала, на что способны прорицатели и как они вообще используют эту магию, потому что не спрашивала об этом у мастера Раджа, и в монастыре обращала внимания пока только на свою открывшуюся способность, да разбирала травы, помогая наставнице на ее дежурствах в лазарете. Яшви думала, что ей пока достаточно и этого, чтобы лезть во все подряд.

- Садхир-джи, что такое непотребный дом? - все же спросила она чуть погодя. - Что-то не очень хорошее, да?

Судя по названию, вряд ли приятное место, но вдруг Джию отправили именно туда? Тетка обмолвилась, что всем бокши только туда и дорога.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Мы будем искать Джию до тех пор, пока не найдем, - сказал Сонгцэн.

Прорицатели в любом случае выяснят, что с ней стало, и где она оказалась. И он был готов приложить все возможные усилия, чтобы отыскать сестру Яшви, даже если она уже успела покинуть территорию Непала. Десятилетний ребенок, брошенный всеми. Которую никто не будет искать. С ней могло случиться все что угодно, но не хотелось думать о возможных подробностях.

Сонгцэн смутился, услышав следующий вопрос Яшви. Не та тема, которую бы хотелось с ней обсуждать, но новая жена гончара считала иначе, раз позволила себе ту оскорбительную для девушки реплику.

- Это место, где мужчины платят деньги за то, чтобы спать с женщинами, которых там держат, - максимально прямо ответил Сонгцэн.

Сейчас он яснее понимал, откуда там могли браться женщины, которым некуда идти. Одно дело теоретически понимать, что где-то творятся ужасы, и другое дело видеть своими глазами Яшви и быть свидетелем ситуации, как продали Джию.

Яшви Садхир

Теперь Яшви поняла, что имеет в виду Садхир-джи, и она невольно смутилась за свой вопрос. Она снова задумалась о том, что было бы, если бы ее туда все-таки продали. Смогла ли она так жить? Наверное, да. Как угодно, лишь бы только жить. Ее гордость оказалась втоптана в самую грязь, и теперь с этим уже ничего не сделаешь.

- Дом с красными фонарями, - пробормотала она, вспоминая это маленькое здание в глубине деревенских построек, к которому строго-настрого запрещалось подходить близко, если вдруг они оказывались на рынке. Яшви была слишком послушной, чтобы интересоваться, что в этом здании, и всегда старалась как можно быстрее проскочить поворот к этому переулку. К слову, это место было совсем недалеко от невольничьего рынка, где ее продали.

- Простите, Садхир-джи, - сказала девушка, не поднимая глаз от земли. - Из-за этого...из-за меня у вас теперь столько проблем. И что вам пришлось все это слушать. Вы правильно сказали, не надо было сюда ехать. И деньги забыла передать, и сестру не увидела, и мать все-таки не жива.

Все пошло наперекосяк и прошло просто отвратительно. Осталось для полноты картины еще не найти Джию, и так вернуться в монастырь, чтобы корить себя всю жизнь, что не смогла уберечь сестру от страшной участи. Кто знает, куда ее продали.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн подумал, что раз в деревне был дом с красными фонарями, нужно было навести справки там до того, как ехать к мастеру Раджу. Но не стоило вламываться туда и с порога требовать, чтобы владелец заведения рассказал обо всех детях, которые там могут быть. Сначала он решил, что можно послать туда кого-то из его спутников, которые сейчас ждали на рынке, но они оба были учениками клана, хранившими целибат, и потому не были похожи на возможных клиентов публичного дома. Лучше было договориться с хозяином чайной и заплатить ему за разведку, это вызовет куда меньше вопросов, слухов и подозрений.

- Деньги тебе пригодятся, когда найдем Джию, - сказал Сонгцэн.

Его до мурашек поразила фраза Яшви о том, что она забыла передать деньги. Кому? Отцу, который жил по его мнению правильной жизнью, или мачехе, которая советовала продать девушку в бордель? Вряд ли эти деньги дошли бы до младшего ребенка, и еще неизвестно, сколько у него было шансов выжить без матери в таких условиях.

- Ты не виновата в том, что у тебя такая семья, не виновата в том, что твоей матери нет в живых и не виновата в том, что отец и мачеха продали Джию, даже если эти люди твердят, что это все твои ведьмины происки, - сказал Сонгцэн. - Прости, что я разозлился и позволил тебе это заметить. Мне стало обидно за тебя. И я переживаю за то, что стало с твоей сестрой. Надеюсь, мы скоро её найдем.

Яшви Садхир

- Этого не хватит, чтобы ее выкупить, - угрюмо ответила Яшви. - Здесь намного меньше, чем там сумма, которую вы заплатили за меня.

Она хорошо помнила названную цену, потому что думала, что когда-нибудь сможет вернуть все до последней рупии Садхиру-джи. Пока у нее не было такой возможности, но она выучит китайский язык, чтобы ее смогли понимать в деревне, и будет там работать, чтобы накопить нужную сумму. В деревнях всегда нужны лишние руки, а она не боится тяжелой работы и привыкла к ней. Нужно только нормально научиться говорить на путунхуа. А теперь к этому долгу, скорее всего, прибавится и то, за сколько удастся выкупить Джию. Но ведь ее сначала нужно найти.

- Спасибо, что помогаете мне, - Яшви помолчала, прежде чем задать следующий вопрос, который мог бы показаться слишком личным, но на который ей нужно было

знать ответ. - Садхир-джи, если бы у вас был выбор - шагнуть в огонь, шагнуть в окно или пытаться жить той судьбой, которую вам навязывают, что бы вы выбрали? Если бы у вас не было этой магии, которой вы управляете огнем.

Для себя она уже не раз неприятно убеждалась, что малодушно выбрала бы последнее. Наверное, она слишком привыкла подчиняться, чтобы у нее возникало мысли о чем-то ином, и этой ей не нравилось. И все же она не знала, как решиться на такой смелый шаг, как шагнуть в огонь, зная, что он уничтожит тебя.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Если её нужно будет выкупать, я заплачу, - сказал Сонгцэн.

Он предполагал, что у людей, торгующих детьми, Джию можно было просто забрать силой, не обязательно со всеми договариваться по-хорошему. Он вспоминал бой с людьми Асаки, уничтожившими клан Сурикатов, когда его меч и пламя отнимали жизни быстрее, чем он успевал это осознать. Сонгцэн был готов воевать, если возникнет такая необходимость.

Яшви задала новый сложный вопрос. Сонгцэн понял, что слова про окно были связаны с судьбой Майи Тхакур, но он не знал, откуда взялась мысль об огне.

- Судьба может поменяться, а смерть необратима, - сказал Сонгцэн. - Я бы выбрал её лишь в том случае, если бы меня заставляли сделать то, что противоречит моим принципам. Или если бы это обезопасило клан, Линь Ян Шо или моих близких. Смерть в огне мучительна, смерть от падения намного быстрее. Но, если ты о Майе Тхакур, её бы все равно не оставили в живых. Она просто успела уйти на своих условиях.

Это было очень тяжело понимать и признавать, но Сонгцэн считал, что ей повезло хотя бы в том, что она успела уйти сама, а не оказалась среди тех растерзанных тел, что он видел во дворце.

Яшви Садхир

Яшви замолчала, снова погрузившись в свои мысли. То, что сейчас говорил Садхир-джи, расходилось с тем, о чем болтали служанки и наложницы во дворце. Они были уверены, что принцессе необязательно было сводить счеты с жизнью, потому что ее могли выдать замуж за кого-то из захватчиков, и она бы могла остаться жива. Но теперь это уже никогда не представится возможным узнать. Яшви знала, что шаманы могут задавать вопросы тем, кто уже ушел, но сама пока с этим не сталкивалась, да и не горела желанием входить в транс, чтобы найти Майю Тхакур и спросить ее об этом. Яшви знала наверняка, что уже больше никогда не встретит принцессу даже в своих снах. Она ушла, сказав все, что хотела сказать.

- Она снилась мне, - медленно ответила Яшви. Она до сих пор была не уверена, стоит ли рассказывать об этом, потому что изначально хотела молчать, чтобы не беспокоить Садхира-джи. - Она выглядела...спокойной. Не злилась. Отпустила вас. И ушла.

Она не готова была рассказать все, что тогда еще услышала от принцессы, и

считала, что это должно было остаться только между ними. Но это был не просто сон, потому что тела, завернутые в саван, были такими реальными, словно Яшви видела их воочию, хотя никогда в жизни не была в клане Сурикатов и не видела ни их дворца, ни парка с беседкой, где увидела Майю.

- Она сильная. Я не такая, я бы не смогла, - добавила Яшви. Снова эта разница. Ей никогда не стать такой же, не подняться на тот уровень, на котором для нее были принц Кобр и принцесса Сурикатов. Наверное, правильно девушки во дворце болтали, что она же принцесса, кто знает, что творится у них в головах.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Это была очень тяжелая для Сонгцэна тема. Прошел не один месяц после гибели Майи, но он все еще часто возвращался мыслями к тому дню. Она ему не снилась, и он не знал, хорошо это или плохо. Сейчас он лучше помнил все то, что видел во дворце Сурикатов, чем те дни, что Майя Тхакур провела в клане Королевских Кобр в статусе его невесты. Но ему только предстояло впервые вернуться во дворец после отъезда в Линь Ян Шо.

- Спасибо, что рассказала, - сказал Сонгцэн.

Яшви могла слышать духов. Она узнала о смерти своей матери, и он не сомневался в том, что Майя действительно говорила с ней во сне. Он не стал расспрашивать подробности. Во-первых, это было тяжело. Во-вторых, ему показалось немного странным, что Яшви сравнила с Майей себя. Он интуитивно почувствовал, что эти расспросы могли бы её задеть.

- Мы можем только гадать, что она чувствовала и о чем думала в тот момент, когда приняла решение. Что в ней говорило: гордость, сила или просто ослепляющий страх, - сказал Сонгцэн. - Но у вас с ней больше общего, чем тебе может показаться. Тебя отвели продавать на рынок, её привезли в Клан Кобр и поставили перед фактом, что я буду её мужем, и она будет жить здесь. И она была готова смириться с любым решением на свой счет. Например, если я по давней традиции помимо жены решу держать гарем или запрещу ей выходить из дворца. Она мне прямо сказала об этом в день нашего с ней знакомства.

Яшви Садхир

- Да, наверное, - сказала Яшви на предположение Садхира-джи, что у них было много общего. Много, да не настолько. Разве может быть жизнь принцессы, даже если ей запрещают выходить из дворца, быть хуже жизни простой нищенки, у которой нет никаких прав и возможностей, как у вещи, которую можно продать, купить или выбросить, когда она не станет нужна? - Но моим родителям было все равно, что со мной станет потом, попаду ли я в...дом с красными фонарями, или выйду замуж или меня просто убили бы, если бы не смогли продать. Они не хотели меня знать. Только зачем я вам это рассказываю, вы и сами все видели.

Она договорила и пошла вперед. Глупая, такая глупая, разве можно было заводить об этом разговор? Яшви быстро поняла, почувствовала, что Садхир-джи еще горюет по Майе Тхакур, и эта тема была для него сложной. Она надеялась, что ее слова немного сделают ему легче, но, по-видимому, переоценила свои благородные

порывы. Она не должна об этом думать, сейчас ее главная задача - это найти Джию, стать самостоятельной, накопить денег, чтобы навсегда распрощаться со статусом вещи, которую можно продать или купить, и уехать в Катманду, где работать медсестрой, как она всегда мечтала. Даже если для этого придется много учиться и работать.

Она не поняла, что ее так задело, что Садхир-джи сравнивал их с принцессой, или что даже сейчас, в таких вещах, это сравнение было не в пользу самой Яшви. Недостижимая высота - вот что это такое было. Все равно что карабкаться на Джомолунгму, зная, что неприступные склоны все равно сбросят тебя вниз. Ей хотелось кричать и плакать от несправедливости, ну почему все так, почему так...нечестно?

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Остаток дороги Сонгцэн молчал. Он подумал, что сказал что-то не то, и его слова задели Яшви, и в то же время сам снова разбередил воспоминания, которые не имел права отгонять. Которым снова нужно было позволить всплыть в памяти, пока не померкнут сами. А впереди еще была поездка во дворец и неделя там.

В чайной оба ученика, которые ждали Сонгцэна и Яшви, поднялись из-за стола и вежливо поклонились - теперь, после сдачи экзамена, у принца кобр был другой статус.

- Яшви, подожди за столом, я скоро приду, - сказал Сонгцэн девушке. - Мне нужно поговорить с хозяином чайной.

Последнего он нашел в подсобке. Разговор не отнял много времени, потому что за небольшую плату владелец чайного дома согласился послать в дом с красными фонарями своего помощника, чтобы тот узнал нужную информацию. Сонгцэн поблагодарил его и вернулся за стол.

- Отнесите письма старосте и торговцу шелком, - велел Сонгцэн ученикам, которые уже успели поесть с дороги. Он достал из кармана и передал им два конверта. - А потом езжайте вперед, нам с Яшви нужно задержаться.

- Хорошо, Садхир-джи, - ответил один из них и оба вышли из-за стола.

Когда они покинули чайную, Сонгцэн налил свежий чай себе и девушке и положил себе в тарелку даль бхаат с мясным соусом. Он не особо хотел есть, но неизвестно, сколько еще здесь сидеть, а впереди еще дорога до клана.

- Я послал человека, чтобы он узнал, не слышали ли о Джие в доме с красными фонарями, - сказал девушке Сонгцэн. - Сейчасждемся, что он узнает, и после этого поедем к мастеру Раджу.

Яшви Садхир

Яшви больше не хотелось разговаривать, и она молчала, как и Садхир-джи. У нее снова было странное ощущение в груди, от которого было сложно дышать. Может быть, это какая-то болезнь? Может быть, нужно пожаловаться наставнице, чтобы

она посмотрела, вдруг это что-то серьезное? Яшви решила, что так и сделает, когда они вернутся обратно в монастырь. Если это что-то можно вылечить, лучше сделать это сразу, а не дожидаться, пока все станет намного хуже.

Ученики негромко переговаривались между собой, но Яшви почти не прислушивалась к их разговору. Она в очередной раз погрузилась в свои мысли, но все они были слишком безрадостными, чтобы на них надолго задерживаться, и, хотя Яшви пыталась найти что-то жизнеутверждающее в собственном нынешнем положении, она мало чего положительного видела. Додумалась уже даже до того, что лучше бы ее убили в тот день, когда не смогли бы продать на рынке. Хотя и эта мысль не была окончательно - Яшви вспомнила, что торговец уже почти договорился с первым покупателем, когда вмешался Садхир-джи, предложив цену, которую не смогли перебить. Садхир-джи говорил, что путь умнее идущего. Может быть и умнее, но он точно нелегко.

- Вы думаете, она может быть еще в деревне? - спросила Яшви, у которой желание узнать что-то о сестре было сильнее желания угрюмо и даже как-то обиженно молчать. Сама придумала, сама обиделась. Стоило признаться самой себе, что если бы не Садхир-джи, Яшви вряд ли бы что-то вообще предприняла. Смирилась и научилась бы с этим жить, как делала всегда. И почему ей от самой себя так тошно?

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэну было сложно предполагать, где сейчас могла быть Джия. Он никогда не сталкивался прежде с фактами торговли людьми, если не считать их знакомства с Яшви. Он не знал, кто обычно покупал на рынке девушек и девочек, куда их чаще отправляли, могли ли оставить в той же деревне или нет. По логике он предполагал, что их увозили, чтобы не могли сбежать домой, пусть даже дома их никто не ждал. Но как было здесь, и что планировали сделать с десятилетним ребенком, он не знал.

- Я сомневаюсь, что она здесь, - сказал Сонгцэн. - Но лучше узнать. Вдруг кто-то что-то слышал.

У Джии наверняка не было ни одной фотографии. Сонгцэн подумал, что мастеру Раджу могла понадобиться хоть какая-то вещь, которая помогла бы ему в поисках, но вряд ли у Яшви было с собой что-то от сестры. Настолько знал Сонгцэн, из дома она взяла только куклу, которая вряд ли принадлежала Джие.

- Когда примерно могла родить твоя мать? Как давно продали Джию? - спросил Сонгцэн.

Яшви Садхир

Яшви казалось сомнительным, чтобы даже если кто-то и видел, сказал что-то конкретное, потому что все прекрасно знали о том, что девочек продают, но делали вид, что не замечают очевидного под самым своим носом. Как бы закрывали глаза, по-детски рассчитывая, что если проблемы не видно - то ее нет. С одной стороны, Яшви это возмущало, потому что она и сама стала таким товаром, но с другой, эта традиция была такой же старой, как и традиция чаупади, кто бы взялся с ней бороться, если это делали уже несколько сотен лет? Мужчинам это было удобно, а

женщин просто никогда не спрашивали.

- У матери был срок месяц назад, на конец лета, - ответила она. - Таманги-джи сказала что мать умерла родами, и Джию продали сразу после похорон. Наверное, примерно месяц назад тоже.

За месяц ведь можно преодолеть очень большое расстояние. Раньше Яшви думала, что мир маленький, но оказалось, что он огромен. Вряд ли Джия когда-то тоже задумывалась о том, насколько огромным может быть мир, что за месяц можно обернуть его кругом и вернуться в то место, откуда начинался путь.

Во сне мать была такой молодой, едва ли старше самой Яшви. Она была когда-то красивой, но красота быстро ушла, когда мать начала рожать ребенка за ребенком. Сначала Яшви, потом двое мальчиков, затем Джия, и несколько мертвых детей, которые не доживали даже до года. И вот, наконец, еще один младенец. Яшви даже не знала, кто. Надеялась только, что еще один мальчик.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Месяц - это долго. И то если роды прошли в срок, а не раньше. За месяц можно оказаться в любой точке мира, даже с учетом оформления документов, которых у Джии наверняка тоже не было. Сонгцэн понимал, что ситуация для девочки могла сложиться очень плохо, но он все же надеялся, что им удастся найти сестру Яшви живой. Он видел перед глазами отца и мачеху девушек, на лицах которых не было ни тени сожаления о том, что они сделали. Это было не то отсутствие сомнений и сожалений, ради которого мать молчала после каждого боя, в котором ей довелось участвовать. Это была абсолютно бессовестная незамутненность, они не видели в этом ничего такого, они считали, что жили совершенно правильной и нормальной жизнью.

- Поешь что-нибудь, - сказал Сонгцэн девушке. - Нам еще ехать в клан, а там не знаю, что скажет мастер Радж. Может придется срочно куда-то сорваться и ехать.

После сдачи экзамена у него появилось больше прав, но все равно стоило еще и объясниться с дедом, почему на этот раз он собрался выручать сестру Яшви, а не бросаться за дела, которые накопились в клане. Это решение было эмоциональным и вряд ли пришлось бы по вкусу его величеству.

Яшви Садхир

Яшви посмотрела на миски и тарелки, выставленные на низкий столик. Из-за всего этого она совсем не ощущала голода, хотя последний раз ела только в монастыре перед отъездом. Она положила в тарелку несколько момо, через тонкое тесто которых просвечивало какое-то мясо, и взяла острую лепешку пападам. Но ела без особого аппетита, просто для того, чтобы еда поддержала силы, которые вдруг могли понадобиться после приезда в клан.

А ведь Джия вообще может быть уже давно мертва, пришла в голову Яшви ужасная мысль, и она закашлялась, настолько внезапным было это озарение. Она отпила глоток горячего чая, чтобы унять внезапную дрожь, которая возникла в ответ на эту мысль, и постаралась не думать об этом. С Джией все хорошо, насколько только

может быть хорошо с десятилетней девочкой, которую продали собственные родители. Она наверняка напугана, растеряна даже еще сильнее, чем была напугана сама она в тот день, когда ее купили. Яшви казалось, что она никогда не забудет этот день, настолько яркими были воспоминания о переживаниях.

- Может быть, Джию купил какой-нибудь хороший человек, - с надеждой предположила она. Это не так плохо, если посудить. Конечно, сам факт того, что тебя продали и купили, не очень приятен, но с ним можно смириться. - Как вы, Садхир-джи.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Яшви все-таки начала есть. По сравнению с первым днем их знакомства, она держалась намного увереннее, хотя сегодняшний день мог добить кого угодно. Яшви была сильной, хоть сама считала иначе. Даже если она считала, что подчиняться судьбе и плыть по течению просто, у неё была не та судьба, про которую эти слова были бы справедливы. Сонгцэн чуть улыбнулся на словах Яшви.

- Я очень надеюсь, что ей повезло, - сказал Сонгцэн. - И что сейчас ей лучше, чем в доме с новой женой вашего отца. Но мы все равно должны найти её и узнать, что с ней.

По сравнению с родным домом Яшви, любое место, где есть крыша, кормят и хоть немного уважают уже могло показаться раем. Сонгцэн не раз задумывался о том, какой была бы Яшви, если бы родилась в других условиях. Чему бы уже успела научиться, чего бы добилась. Он не верил, что все, что не убивает, делает сильнее. Сильнее делает возможность развиваться и поддержка тех, кто в этом заинтересован. От ран становишься злее, а не сильнее, но в сердце Яшви не чувствовалось даже злобы.
